

Дискуссии

УДК 902.2

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ С «ТЕКСТИЛЬНОЙ» КЕРАМИКОЙ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2016 г. В.С. Патрушев

В работе подводятся основные итоги изучения населения с так называемой «текстильной» керамикой на огромной территории Европы, шириной более 700 км, от простирающейся от берегов Нижней и Средней Волги на востоке до Восточной Швеции на западе. Носители культуры эпохи бронзы и раннего железа с текстильной керамикой (XXIV в до н.э. – IV в н.э.) сыграли огромную роль в формировании финноязычных народов. Автором выделены несколько основных проблем, связанных с изучением текстильной керамики эпохи бронзы и раннего железа, а именно: 1) вопрос о происхождении носителей данной керамики; 2) проблема выделения финноязычной общности и локальных групп населения с «текстильной» керамикой; 3) реконструкция технологии нанесения ниточно-рябчатых отпечатков и совершенствование терминологии для их характеристики; 4) уточнение хронологии и создание периодизации памятников с «текстильной» керамикой; 5) выявление этнокультурных связей и дальнейшие судьбы финноязычных носителей культуры «текстильной» керамики. Важными задачами изучения археологических памятников с «текстильной» керамикой, по мнению автора, являются: продолжение исследований по единой методике комплексов памятников южных регионов; изучение локальных особенностей такой керамики; изучение сопровождающей такую посуду инвентаря.

Ключевые слова: археология, «текстильная» керамика, финноязычные племена, эпоха бронзы, начало эпохи железа, итоги и перспективы исследований

Основные итоги изучения «текстильной» керамики. В ранней истории финноязычных народов особое место занимает население с керамикой, на внешней (иногда частично и на внутренней) поверхности которой четко прослеживаются ниточные и рябчатые отпечатки. В современной русскоязычной литературе такая керамика называется «текстильной», ложнотекстильной, «сетчатой», псевдосетчатой, ниточно-рябчатой. Последнее название, предложенное автором и принятое участниками российской конференции по проблемам «сетчатой» и «текстильной» керами-

ки в Йошкар-Оле в 1993 г. (Патрушев, 1993), наиболее точно отражает основные особенности такой керамики.

Общие границы распространения такой посуды в эпохи бронзы и раннего железа проходят полосой шириной приблизительно 700 км от Среднего и Нижнего Поволжья до Балтийского моря, меняясь в разные периоды (рис. 1; 2).

Начало изучения «текстильной» керамики относится к концу XIX – началу XX в. В этот период впервые появляется интерес к особой группе посуды с сетчатым орнаментом (Городцов, 1900, 1914; Спицын, 1903;

Рис. 1. Археологические культуры эпохи развитой бронзы: 1 – общность культур Прикамья (приказанская по А.Х. Халикову); 2 – поздняя культура; 3 – культура «текстильной» керамики.

Fig. 1. Archaeological cultures of the developed Bronze Age: 1 – the Kama community of cultures (or the 'Prikazanskaya' one, after A.Kh. Khalikov); 2 – Pozdnyakovo culture; 3 – culture of 'textile' ceramics.

Pälsi, 1916 и др). Основательная характеристика этого этапа представлена О.А. Лопатиной (2014, с. 66–70). Основной итог дореволюционного этапа исследований: 1) выделение разных видов отпечатков (оспенно-рытый,

рябчатый, печатный, нитчатый или ниточный, веревочный, тканый, рогожный и др.), но слабо разграниченных даже у одного исследователя; все они воспринимались как элементы орнамента; 2) выделение дяковских

(или «дьякова типа») и городецких городищ Центральной и Северной России с сетчатой и рогожной керамикой, не разграниченных в культурном отношении; 3) ограничение территории памятников с «сетчатыми узорами» в основном Волго-Окским междуречьем, Верхним Поволжьем, Москворечьем, калужским и рязанским Почьем, Саратовской губернией; 4) определение финской принадлежности городищ с сетчатой и рогожной керамикой.

В послереволюционный период В.А. Городцов (1928, с. 8) определенно разграничивает городища «дьякова типа» и городецкую культуру, но в пределах одной общности с «печатными типами керамического орнамента». Б.С. Жуков, впервые использовавший в отечественной литературе перенятый им у финских археологов термин «текстильная керамика», выделяет городища, исходя из истоков: культура дьякова типа – от древней текстильной керамики, культура городецкого типа с «рогожной керамикой» – от дериватов культур типа Озименок (Лопатина, 2014, с. 72). Интерес представляют попытки определения «сетчатых» отпечатков (Арзютов, 1926). Аарне Айряпя (Åugärä, 1933, S. 114) высказал мнение об истоках текстильной керамики Балтии и Финляндии от поздненеолитического населения Чехии; он также предположил, что в России эта традиция могла быть передана через фатьяновскую посуду из круга культур шнуровой керамики.

Интерес к проблемам населения с «текстильной» керамикой возрастает в послевоенные годы. При характеристике ряда культур показана роль такой керамики в этнокультурных процессах и дана ее характери-

стика исследователями М.Е. Фосс (1947, с. 61–69; 1952), О.Н. Бадером (1950), А.Я. Брюсовым (1950, с. 287–305), А.П. Смирновым (1952), Н.В. Трубниковой (1952) и др. Финский исследователь К.Ф. Мейнандер (Meinander, 1954) появление памятников с такой керамикой датировал XVIII в. до н.э. и отнес их к культуре текстильной керамики. Он также отметил, что в эпоху железа текстильная керамика сопровождается бронзовыми топорами-кельтами меларского типа. Н.В. Трубникова (1952, с. 125–129), С.А. Семенов (1955, с. 137–144), К. Карпелан (1970) и др. при изучении керамики особое внимание обратили на технику нанесения отпечатков на поверхность сосуда. Особо следует выделить основанное на экспериментальном методе детальное изучение «текстильной» керамики А.А. Бобринским (1978). Б.А. Фоломеев (1975, с. 154–165) разработал классификацию характерных отпечатков на поверхности «текстильной» посуды из поселения Тюков Городок, выделив группы ниточных и рябчатых. При анализе общих проблем древней истории определенных регионов многие исследователи обращали пристальное внимание на «текстильную» керамику (Бадер, 1966, с. 34–46; 1970; Гурина, 1961; 1963; Лозе, 1979; Лыугас, 1970; Никитин, 1963; Розенфельдт, 1974; Смирнов К., 1974; Халиков, 1960, 1962; 1969; Янитс, 1959 и др.).

Основной итог исследований послевоенного периода: 1) включение финноязычного населения с «текстильной» керамикой в общий ход исторического развития на широкой территории от Поволжья до Скандинавии; 2) выделение особой культуры

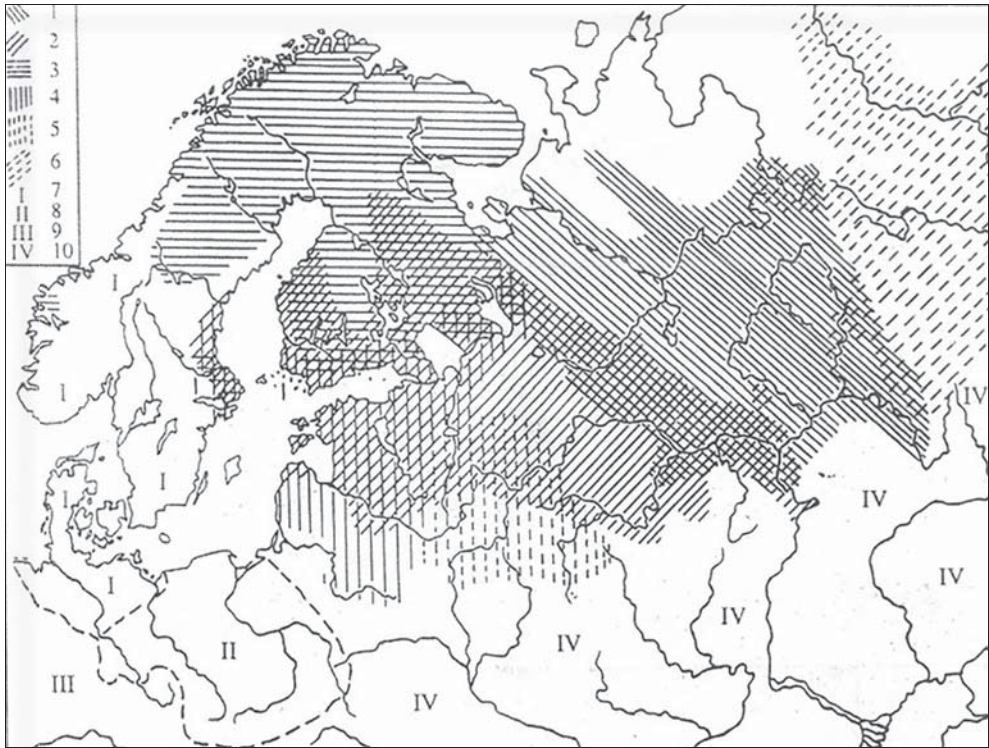

Рис. 2. Этнокультурные ареалы на севере Европейской России в начале раннего железного века (по: Гусаков, Кузьминых, 2008, рис. 4): 1 – ананьинская культурно-историческая область; 2 – культурно-историческая область «текстильной» керамики; 3 – культура асбестовой керамики; 4 – культура штрихованной керамики; 5 – днепровская и верхнеокская культуры; 6 – культуры с «крестовой» керамикой и иткульская; 7 – ранние германцы; 8 – лужицкая культура; 9 – гальштатская общность; 10 – лесостепные и степные культуры «скифского» круга.

Fig. 2. Ethno-cultural areas in the north of the European Russia in the early Iron Age (after: Гусаков, Кузьминых, 2008, рис. 4): 1 – the Ananyino cultural and historical area; 2 – the ‘textile’ ceramics area; 3 – the Asbestos Pottery culture; 4 – Brushed Pottery culture; 5 – the Dnieper-Dvina and the Upper Oka cultures; 6 – Cross-stamped Pottery culture and the Itkul culture; 9 – the Hallstatt community; 10 – forest-steppe and steppe cultures of ‘Scythian’ circle.

«текстильной» керамики; 3) определение возможных истоков появления такой керамики в поздненеолитической среде и посуде круга шнуровой керамики (фатьяновской) при участии ряда местных компонентов; 4) определение ниточно-рябчатых отпечатков как результат технологических особенностей изготовления посуды и первые шаги по классификации отпечатков на поверхности.

Наиболее плодотворным в исследованиях финноязычного населения

с «текстильной» керамикой стал период с начала 1980-х годов до наших дней. Выделим основные итоги исследований этого периода: 1) получение ряда радиоуглеродных дат из памятников с «текстильной» керамикой (Каверзнева, Фоломеев, 1998; Сулержицкий, Фоломеев, 1993, с. 42–55; 2013, с. 360–373; Сыроватко, 2013 и др.) и датировка значительного числа комплексов по нагару на стенках сосудов по методу АМС (акселерационной масс-спектрометрии) (Крий-

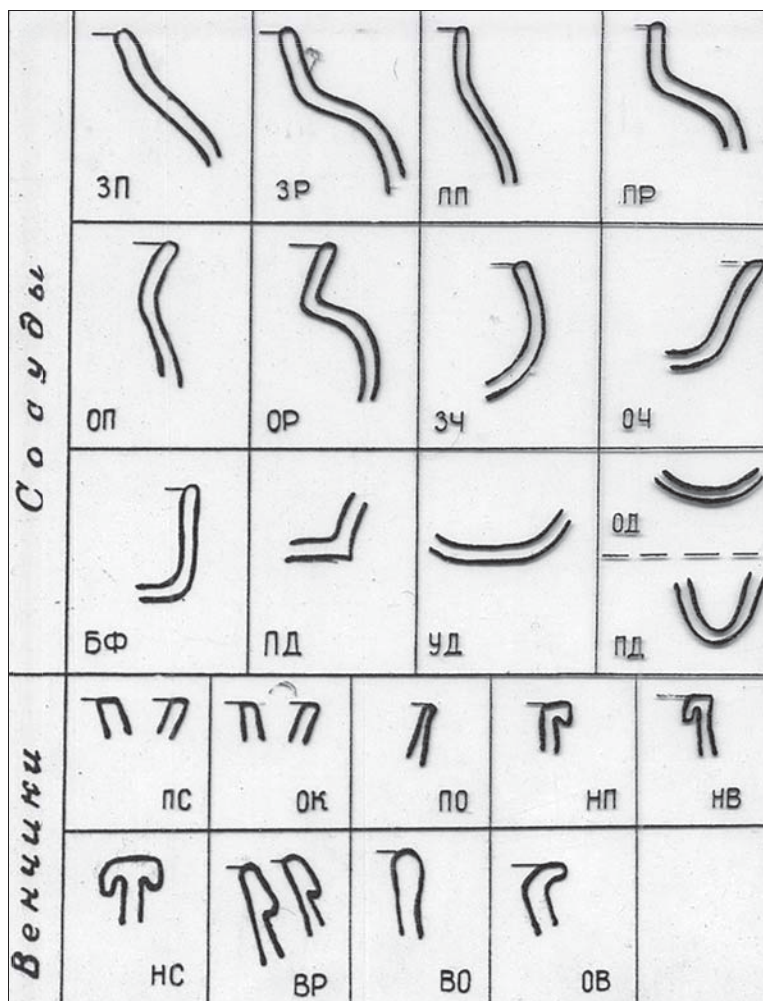

Рис. 3. Формы сосудов и венчиков «текстильной» керамики.

Формы сосудов: 3П – с закрытым горлом и плавным переходом в тулово, 3Р – то же с резким переходом, ПП – с прямым горлом и плавным переходом, ПР – то же с резким переходом, ОП – с открытым горлом и плавным переходом, ОР – с открытым горлом и резким переходом, 3Ч – закрытая чаша, ОЧ – открытая чаша, БФ – баночная форма, ПД – плоское дно, УД – уплощенное дно, ОД – округлое дно, ПД – приостренное дно.

Форма венчика: ПС – прямой срез, ОК – округлый, ПО – приостренный, НП – с напльвом с внешней стороны, НВ – с напльвом с внутренней стороны, НС – с напльвом с внешней и внутренней стороны, ВР – с «воротничком», ВО – валикообразный, ОВ – отогнутый венчик.

Fig. 3. Forms of vessels and rims of the 'textile' ceramics.

Forms of vessels: 3П – with a closed neck and a smooth transition towards the body, 3Р – the same, but with a rough transition, ПП – with the straight neck and a smooth transition, ПР – the same, but with a rough transition, ОП – with an open neck and a smooth transition, ОР – with an open neck, but with a rough transition, 3Ч – a closed cup, ОЧ – an open cup, БФ – a bottle, ПД – flat bottom, УД – flattened bottom, ОД – round bottom, ПД – sharpened bottom.

Form of the rim: ПС – straight cut, ОК – rounded, ПО – sharpened, НП – with a knob outside, НВ – with a knob inside, НС – with a knob outside and inside, ВР – with a 'collar', ВО – spindle-shaped, ОВ – outward rim.

ска, Лавенто, 2007; Kriiska, Lavento & Peets, 2005; Lavento, 2001; Lavento, Patrushev, 2015 и др.); 2) экспериментальные исследования отпечатков на сосудах (Лопатина, 2009, с. 204–212; Фоломеев, 1993, с. 3–21; 1998; Черная, 1981, с. 204–212; 1993, с. 36–48 и др.); 3) выделение локальных групп «текстильной» керамики, в том числе по сопровождающим комплексам (Васкс, 1991; Воронин, 1998, с. 308–323; 2013, с. 329–344; Смирнов К., 1993, с. 48–82; Сыроватко, 2013; Сыроватко, Трошина, Антипина, 2013, с. 374–379; Косменко, 1992; 1996, с. 185–215; Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 6–12; Халиков, 1980; Dumpe, 2003, pp. 110–117; Jaanusson, 1985, pp. 39–50 и др.); 4) выявление общих черт ниточно-рябчатой керамики на всей территории распространения такой посуды (Патрушев, 1989; 1992, 1993, с. 3–20; Сидоров, 2003; Patrushev, 2000, pp. 73–88, 100–111;); 5) характеристика различных проблем истории изучения и развития «текстильной» керамики (Азаров, 2014, с. 352–373; 2015, с. 204–212; Гусаков, Кузьминых, 2008, с. 105–117; Лопатина, 2014, с. 66–70; Смирнов К.А., 1993; Халиков, 1980; 1987 и др.).

Одним из важнейших направлений исследований во все периоды были поиски истоков появления посуды с ниточно-рябчатыми отпечатками.

Проблема происхождения «текстильной» керамики. Поиски истоков появления «текстильной» керамики уходят ко времени выделения такой посуды. В.А. Городцов (1900, 1914) и А.А. Спицын (1903), выделив особый культурный пласт с сетчатой керамикой, указывали на ее истоки в поздненеолитической керамике. Впоследствии ряд исследователей истоки

приемов ниточно-рябчатой обработки сосудов также усматривают в поздней посуде культуры ямочно-гребенчатой керамики (Брюсов, 1950, с. 287–305; Фосс, 1947, с. 61–69; 1952; Гурина, 1961; Лозе, 1979; Ошибкина, 1987, с. 147–156). Были и возражения против такой точки зрения. В частности, В.П. Третьяков (1975, с. 62–67) считал невозможной близость ямочно-гребенчатой и «текстильной» керамики из-за хронологического разрыва между ними. Вероятной зоной возникновения такой керамики он называет районы Прибалтики. А.В. Васкс (1983) выступил против мнения И.А. Лозе об истоках такой посуды Прибалтики в ямочно-гребенчатой посуде аборского типа из-за совершенно разной структуры таких групп керамики и отсутствия между ними какой-либо генетической связи.

Для керамики северо-западных районов России известна точка зрения о распространении «текстильных» отпечатков на сосудах под влиянием поздней шнуровой керамики. О.С. Гадзяцкая и Д.А. Крайнов (1987), говоря о дальнейших судьбах фатьяновцев, приводят ряд доказательств наличия элементов их посуды в «текстильной» керамике. Доказательства участия племен со шнуровой керамикой в оформлении «текстильной» керамики Прибалтики приводит Я. Граудонис (1967), что подтверждается антропологическими данными (Денисова, 1973).

И.В. Гаврилова (1968), признавая основным компонентом в формировании ниточно-рябчатой керамики ямочно-гребенчатую, считает возможным участие в ее оформлении элементов посуды галичской, раз-

Рис. 4. Варианты орнамента «текстильной» керамики.

Fig. 4. Various ornament of 'textile' ceramics.

личных вариантов фатьяноидной и поздняяковской. Такая точка зрения об участии в ее формировании ряда культур перекликается с мнениями О.Н. Бадера (1970), Н.Н. Гуриной (1961), П.Н. Третьякова (1966) и др. К.В. Воронин (1998, с. 308–314) сторонников взглядов формирования культуры сетчатой керамики на основе позднеолитических племен и других пришлых культур (боевых топоров и шнуровой керамики, абашевской, поздняяковской) называет интеграционистами и относит к ним, кроме отмеченных, А.Л. Никитина, М.Г. Косменко и Л.В. Ванкину. Весьма привлекательна точка зрения О.Н. Бадера (1966, с. 36). Он предполагает участие в формировании культуры сетчатой керамики как потомков неолитического населе-

ния с ямочно-гребенчатой керамикой, так и волосовских, фатьяновских, балановских, поздняяковских и абашевских элементов, т.е. ассимиляции разнородных этнических элементов и постепенного слияния их в единое целое.

Решение вопроса об участии населения других археологических культур эпохи бронзы в формировании финноязычного населения с «текстильной» керамикой представляет значительные трудности. Во-первых, для сравнения почти нет других материалов, кроме керамики. Во-вторых, для культур развитой бронзы результаты анализа керамики в большинстве случаев имеют описательный характер. Поэтому мы вынуждены довольствоваться весьма приблизительным

сравнением ниточно-рябчатой керамики и посуды ряда культур эпохи бронзы.

Следует оговориться, что ряд навыков в керамическом производстве, по этнографическим данным, сохраняется в течение пяти-шести поколений (Бобринский, 1978), т.е. с учетом средней продолжительности жизни приблизительно от 350 до 400 лет. В первобытном обществе при характерной традиционности элементов культуры эти навыки могли сохраняться гораздо дольше, возможно, в течение 500 и более лет. Поэтому вполне правомочно сравнение разновременных керамических комплексов. С целью выяснения истоков «текстильной» керамики автором была попытка сопоставить данную посуду с керамикой ряда предыдущих и синхронных культур (Патрушев, 1989, с. 40–45; рис. 7, 16).

С волосовской керамикой ниточно-рябчатую посуду сближают некоторые параллели в формах сосудов развитого и позднего этапов волосовской культуры в виде открытых или закрытых чаш, составляющие в комплексах ниточно-рябчатой керамики от 35,7 до 45,95% во Владимирской области, Ярославском Поволжье и от 0,8 до 13,03% в остальных областях (рис. 3; Патрушев, 1989, прил. 3); из элементов орнамента «текстильной» керамики параллели с волосовскими узорами имеют кружковый орнамент, дуговидные ямки, клиновидные и треугольные вдавления, перекрещивающиеся линии из зубчатого штампа и веревочных оттисков, косые линии и зигзаг из зубчатых оттисков (рис. 4: 8, 16, 17, 29–31, 44, 47, 50, 58, 63; Патрушев, 1989, прил. 3; Крайнов, 1987 а, рис.

1, 3, 5). Наиболее важным доказательством возможного участия в формировании населения с «текстильной» керамикой центральных районов Европейской России является волосовская посуда с ниточными отпечатками из памятников Тверской области, в частности, на фрагментах Ронского 1 поселения, где четко прослеживаются ниточные хаотичные отпечатки.

В фатьяновской керамике сопоставимы формы низких сосудов с открытым горлом с горшковидными сосудами с открытым горлом и резким переходом в тулово из комплексов ниточно-рябчатой керамики эпохи бронзы, где они составляют до 5,2% в восточных районах и 9,3% – в западных (рис. 3; Патрушев, 1989, прил. 3; Гадзяцкая, 1976; Крайнов, 1987 б, рис. 28 б). На лощеной поверхности фатьяновской посуды нанесены преимущественно зубчатые узоры, иногда близкие к орнаменту ниточно-рябчатой керамики, в том числе сетка из зубчатых оттисков; есть также шнуровые горизонтальные узоры, нередко завершающиеся волной, сочетание горизонтальных шнуровых и косых зубчатых оттисков, неправильные ямки, дуговидные, треугольные или беспорядочные клиновидные вдавления или же образующие горизонтальный «колос», треугольный узор (рис. 4: 3, 27, 29, 30, 46–50, 66, 71, 82, 88, 89; Крайнов, 1987б, рис. 28; 29: 9, 20). Структура фатьяновской керамики с преобладающей примесью мелкого песка, а также изящество и пропорциональность форм значительно отличают ее от грубоватой ниточно-рябчатой посуды. Тем не менее последняя

по многим признакам сближается с поздней группой фатьяновской посуды. Характерные для балановской культуры заштрихованные широкие зигзаги, ромбы, треугольники на ниточно-рябчатой керамике не известны. Лишь в поздний период на фатьяновской и балановской посуде появляются близкие узоры из треугольных вдавлений, пересекающихся косых линий, зигзагов или горизонтальных оттисков зубчатого штампа, а также перенятые у поздняяковцев «жемчужины» (рис. 4: 30, 47, 49, 50; Патрушев, 1989, с. 41–42) напоминают некоторые узоры ниточно-рябчатой посуды.

Автор полагал, что при наличии ряда близких черт металлических изделий и возможности участия чирковского населения с традиционными волосовско-балановскими элементами культуры в формировании племен с «текстильной» керамикой (Патрушев, 1984, с. 189–190), трудно найти параллель между чирковской керамикой с цилиндрическим горлом, преимущественно резко переходящим в тулово, с примесью толченых раковин, рыхлой структурой, украшенной геометрическим орнаментом из оттисков зубчатого штампа в виде заштрихованных зигзагов, треугольников и ниточно-рябчатой посудой (рис. 3, 4; Халиков, 1987; Соловьев, 2000, рис. 60). Однако факт совместного залегания на большинстве памятников центральной части Волго-Окского междуречья и Верхнем Поволжье в первой половине II тыс. до н.э. «текстильной» и чирковской керамики (Воронин, 2013, рис. 14, с. 337, 343–344) может говорить о возможном взаимодействии их носи-

телей и участия чирковских племен в формировании населения с «текстильной» керамикой.

В ниточно-рябчатой и абашевской керамике можно выделить лишь некоторые параллели: в формах – чашевидные и баночные сосуды, горшковидные и плоскодонные или круглодонные сосуды с открытым горлом и плавным или резким переходом в тулово; в орнаментации – узоры в виде сетки, горизонтальных линий, использование зубчатого штампа, ямок (рис. 3, 4; Патрушев, 1989, рис. 16: 9, 43, 47, 50; Соловьев, 2000, рис. 62). Вместе с тем абашевская керамика с примесью толченых раковин и рыхлой структурой, хорошо заглаженной поверхностью не могла быть основой для плотной ниточно-рябчатой керамики. Тем не менее ряд «интеграционистов» указывают на возможность участия абашевцев в формировании населения с «текстильной» керамикой (Воронин, 1998, с. 308).

Точка зрения автора в вопросе об истоках ниточно-рябчатой керамики совпадает с мнениями тех исследователей, которые видят истоки в приемах обработки колотушкой с внутренней поверхности сосудов у носителей шнуровой керамики – поздних фатьяновцев, балановцев, частого нанесения ямок или позднее зубчатых оттисков на внешней поверхности посуды ямочно-гребенчатого облика, когда их сплошные оттиски не только визуальнo напоминают рябчатые отпечатки. Следует добавить, что подобными оттисками также достигалось уплотнение глиняного теста, как и ниточно-рябчатыми отпечатками.

Истоки ниточно-рябчатой керамики, по наблюдениям автора, наиболее ярко видны в керамике эпох неолита и раннего металла северо-запада Европейской части России, где в технологических приемах орнаментации кроются многие элементы таких отпечатков: треугольные и клиновидные ямки и мелкие дуговидные вдавления, рябчатые бороздки, ниточные хаотичные отпечатки и ниточные отпечатки, сделанные намотанным на палочку шнуром (Гурина, 1961, рис. 46: 1,7; 47: 10; 48: 1; с. 190–192; Патрушев, 1989а, прил. 1), орнамент в виде рябчатых отпечатков из клиновидных вдавлений в шахматном порядке на керамике неолита (Гурина, 1961, рис. 50: 12–13; 51: 17; Патрушев, 1989, прил. 1); чашевидные сосуды с горизонтальными и вертикальными рябчатыми бороздками от оттисков зубчатого штампа, узоры из частых клиньев, образующих дуговидные и овальные отпечатки; дуговидные отпечатки от сглаженных ямок на посуде развитого неолита (Гурина, 1961, рис. 67; 68: 5, 8; Патрушев, 1989, с. 44). В эпоху энеолита многие сосуды покрыты сплошными оттисками зубчатого штампа, имитирующими рябчатые отпечатки (Гурина, 1961, рис. 87). В это же время распространяются характерные для населения с ниточно-рябчатой керамикой сланцевые орудия (Гурина, 1961, рис. 95, с. 278–279).

Нет оснований говорить об истоках «текстильной» керамики в прикамской (по А.Х. Халикову – приказанской: 1980; 1987) керамике. Необходимо учитывать и различия в остальных элементах материальной культуры. Набор каменных и металлических орудий

в Прикамье (кремневые скребки треугольной формы, похожие на клинок кинжала ножи, вытянутые треугольные наконечники с усеченным основанием, металлические двулезвийные черешковые ножи с прямоугольным черешком, бронзовые кельты с двумя боковыми ушками, кельты с ушком на широкой плоскости и др.) севернее Марийского Поволжья на территории распространения ниточно-рябчатой керамики не встречаются (Халиков, 1987). На прикамских памятниках известны всего два каменных тесла, наиболее характерные орудия населения с «текстильной» посудой. Тем не менее влияние ниточно-рябчатой керамики на посуду атабаевского и маклашеевского облика (по: Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 31–32) вызвало появление группы специфической керамики с ниточными или рябчатыми, а также смешанными отпечатками на поверхности сосуда ниже горла и гладкой поверхностью по горлу, украшенной узорами, характерными для прикамских районов. Автором памятники со смешанными группами «текстильной» и прикамской посуды были выделены в особый, кокшайский, этап ахмыловской культуры (Патрушев, 1984, с. 202). Подобное явление можно наблюдать в Татарском, Марийском Поволжье, т.е. на всей территории расселения пришлого прикамского населения.

При решении вопроса об истоках ниточно-рябчатой керамики необходимо иметь в виду время появления такой посуды. М. Лавенто и ряд других исследователей считают, что самые ранние даты получены для «текстильной» керамики Эстонии – XXIV в. до н.э. (Kriiska A.,

Lavento M. & Peets J. 2005), где она зародилась под влиянием шнуровой керамики, возникшей, в свою очередь, на поздненеолитической основе западного облика. Оттуда она распространилась в Поволжье и Финляндию.

Проблема происхождения финноязычного населения с «текстильной» керамикой остается дискуссионной, и во многом зависит от накопления источников и решения других проблем, в частности, изучения локальных особенностей.

Проблемы выделения финноязычной общности с «текстильной» керамикой и ее локальных групп.

В связи с отсутствием обобщающих работ о финноязычном населении с «текстильной» керамикой перед автором стояла задача разработки принципов характеристики такой посуды. Все имеющиеся характеристики касались отдельных памятников или узкого региона и имели описательный характер. После изучения комплексов «текстильной» керамики раннего железа Марийского и Татарского Поволжья автором были разработаны принципы составления банка данных и инструментарий исследований для единообразного сбора материалов и характеристики такой посуды по единому принципу. С началом сбора данных из Верхнего Поволжья, Поочья, северо-западных регионов России (всего из 28 музеев и организаций) стало ясно, что необходимо расширить количество признаков всех категорий описания – формы, отпечатков, орнамента, примеси. Одновременно стали разрабатываться программы исследований для выявления общих черт и различий.

Автором впервые систематизированы и обобщены по единой методике комплексы «текстильной» керамики из 240 памятников России от устья р. Кама до Карелии общим числом около 40 тыс. фрагментов (Патрушев, 1989, 1993; Patrushev, 2000). Изучены также комплексы посуды из 13 основных памятников Финляндии. В лекции на кафедре археологии Университета Хельсинки автором были выделены общие черты «текстильной» керамики России и Финляндии и отмечены некоторые различия западных, центральных и восточных групп такой посуды. Все материалы вошли в единый банк данных. Методика составления банка данных разработана автором после составления детального инструментария исследований «текстильной» керамики (Патрушев, 1996а, с. 27–31; 1989, прил. 1). Огромных усилий потребовала работа по подготовке и проведению статистической обработки всего массива данных. Из разных статистических методов обобщения и определения сходства и различия признаков и комплексов (по Фишеру, по Колмогорову, по Стьюденту) по совету Г.А. Федорова-Давыдова был выбран критерий Стьюдента как наиболее надежный для обобщения массовых материалов и сопоставления комплексов всех памятников. По отдельным признакам и по сумме признаков эталонных комплексов вычислялось табличное значение критерия Стьюдента (Патрушев, 1989, с. 4–6). Расчетное значение критерия Стьюдента при вероятности 95% (высокий показатель, означающий правильность сходства в 95 случаях из 100) составила 1,99. При сходстве признаков или комплексов

Рис. 5. Фрагменты сосуда с отгисками намотанной на палочку веревочки из раскопок Поселения База Отдыха 2 в Марий Эл Российско-Финской археологической экспедицией Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ в 2015 г.

Fig. 5. Fragments of a vessel with imprints made by a stick with a rope wound on it, from Baza Otdykha 2 settlement in Mari El Republic, excavated by Russian-Finnish Archaeological Expedition, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 2015.

в целом табличное значение должно быть ниже или равно расчетному значению. Принципы использования статистических методов и основные результаты исследований обсуждались на заседаниях отделов неолита и бронзы, скифо-сарматской археологии Института археологии АН СССР, Института истории АН Эстонской ССР, на семинаре кафедры археологии Университета Хельсинки, на международных и российских мероприятиях (Патрушев, 1993; 1996 б, с. 8–12).

Исследования автора показали, что наиболее общими чертами «текстильной» керамики следует считать следующие:

1) господствующая горшковидная форма с закрытым, прямым, открытым горлом, плавно или реже более резко переходящим в слабо выпуклое тулово, при наличии чашевидных и баночных сосудов с плоским, уплощенным, округлым дном (рис. 3);

2) преимущественно округлый или плоский, реже приостренный, с напльвами с внешней или внутренней стороны, валикообразный край венчика (рис. 3), обычно содержащий узоры из зубчатых отгисков или ниточно-рябчатые отпечатки;

3) ниточные или рябчатые отпечатки (всего 34 варианта) по всей поверхности посуды или нередко только

Рис. 6. Фрагмент штрихованной керамики с антропоморфным узором из Поселения Векса 1 (Вологодская область) из раскопа автора в 1987 г.

Fig. 6. A fragment of brushed pottery with anthropomorphic pattern, Veksa 1 settlement (Vologda Oblast), from the author's dig in 1987.

ниже горла (рис. 5; Патрушев, 1989а, прил. 1; см. ниже список предложенных автором отпечатков);

4) примесь песка или дресвы (нередко в виде крупных кусочков кварцита), иногда с растительными остатками, толченой раковинной, асбестом;

5) орнаментация преимущественно из горизонтальных зон неправильных и круглых ямок, реже клиновидных ямок и вдавлений, жемчужин, оттисков зубчатого штампа или шнура и их различных сочетаний (всего 90 вариантов; рис. 4).

С использованием статистических методов получена картина близкого сходства такой керамики на всей территории России от Среднего Поволжья

до Карелии. Значительная близость проявляется и с комплексами памятников Финляндии. Сходство комплексов такой посуды в эпоху бронзы и начале железного века свидетельствует о генетической связи финноязычного населения в длительный период его истории, начиная с XXIV в. до н.э. (Kriiska A., Lavento M. & Peets J. 2005) до первых веков н.э. (Смирнов К., 1974). А в отношении периодов развитой эпохи бронзы и начала железного века до середины I тыс. до н.э. можно говорить о единой археологической культуре с «текстильной» керамикой (сходство 30–65% общих признаков, по Кларку, подразумевает объединение памятников в археологи-

ческую культуру: Clarke, 1968). Однако данное население, расселившееся на огромной территории от Восточной Швеции до Нижнего Поволжья, предполагает объединение в огромную общность. Основными его археологическими признаками являются ниточно-рябчатая керамика и в начале эпохи железа – аозинско-меларские кельты. Общий пласт ее в основном приходится на вторую половину II – первую половину I тыс. до н.э.

Вместе с тем у финноязычного населения с «текстильной» керамикой довольно четко выделяются локальные различия, в первую очередь, проявляющиеся в керамике и реже – в сопровождающем инвентаре. Различия в керамике в значительной мере могут быть объяснены влиянием элементов местной посуды, господствующей в конкретных областях. Так, влияние прикамской посуды на ниточно-рябчатую керамику восточных областей вызвало появление специфической керамики с ниточными или рябчатыми, а также смешанными отпечатками на поверхности сосуда ниже горла и гладкой поверхностью по горлу, украшенной прикамскими узорами. Подобное явление можно наблюдать в Татарском и Марийском Поволжье, т.е. на территории распространения прикамского населения. В указанных районах в эпоху бронзы, за редкими исключениями, нет узоров из «жемчужин», характерных для поздняяковской культуры. На ниточно-рябчатой керамике эпохи бронзы памятников от Нижегородского до Ярославского Поволжья, где обитали поздняяковские племена, «жемчужины» как элемент орнамента занимают значительное место (IV Жуковское поселение – 42,51%,

Безводнинское поселение – 29,11%, Дикариха – 17,15%, Плещеево III – 14,85% и т. д.; Патрушев, 1989а, табл. 3, с. 32–37). В северо-западных областях проявилось влияние местной энеолитической, фатьяновской и поздняяковской керамики (Косменко, 1996; Манюхин, 1993).

Такую же картину показывает сравнение форм сосудов и венчиков. Например, характерный для прикамской посуды «воротничок» (или «валик со срезом»: Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 32) у края горла в основном встречается лишь на «текстильной» керамике памятников Татарского и Марийского Поволжья (Займище III – 16,66%, Ахмыловское поселение – 2,01%, 4 Кокшайское поселение – 6,25%, поселение Сосновая Грива – 1,44%; Патрушев, 1989, прил. 2). Только влиянием керамики Марийского Поволжья можно объяснить единичные «воротнички» на сосудах памятников Нижегородской и Владимирской областей (до 0,48%; Патрушев, 1989, прил. 2). На более западных памятниках сосуды с «воротничком» отсутствуют. Только в восточных районах расселения племен с «текстильной» керамикой отмечена примесь толченых раковин (Патрушев, 1989, прил. 2).

Среди сосудов Карелии и севера России исследователями отмечены бомбовидные, реповидные формы или с округлым, уплощенным дном, вытянутых пропорций с коротким венчиком и узкой шейкой, восходящие к формам фатьяновской посуды. Другая форма сосудов – ребристые с широкой шейкой и резким переходом в тулово – близка к поздняяковской посуде. Есть также непрофилированные сосуды с прямой или слегка вогнутой

верхней частью, восходящие к формам посуды эпохи неолита-энеолита (Косменко, 1992; 1996).

Интерес представляет характер ниточно-рябчатых отпечатков на сосудах различных регионов. В основном повсеместно встречены как ниточные отпечатки или имитации веревочки, так и рябчатые (Патрушев, 1989, прил. 2). Первые, в эпоху бронзы, наиболее характерны для Среднего Поволжья, где они на ряде памятников составляют до 51,82%. Севернее довольно высок процент рябчатых отпечатков (Патрушев, 1989, с. 93). Для них повсеместно в большей мере характерны дуговидные и овальные отпечатки или же в виде наколов срезанным пучком травы. В целом почти все варианты отпечатков встречены повсеместно, и их процентное соотношение не имеет резких границ. Данный факт может свидетельствовать о существовании на всей территории России единых технологических приемов по обработке поверхности (соответственно, по изготовлению посуды в целом).

Смешанные комплексы с «текстильной» и прикамской керамикой встречены и в эпоху раннего железа от Среднего Поволжья до Карелии, включая Вологодскую и Архангельскую области. В других областях одним из этнокультурных признаков становится местная керамика, повлиявшая на особенности «текстильной» керамики.

Ряд исследователей рассматривают локальные особенности для небольших регионов, вплоть до выделения отдельных горизонтов и культур – каширской штрихованной керамики, климентьевского типа, «северной» рябчатой и др. (Сыроватко, 2009; 2013,

с. 360–373; Лопатина, 2006; Сидоров, 2003; 2006 и др.). По справедливому мнению О.А. Лопатиной (2014, с. 66), в ряде случаев трудно согласиться с выделением особых групп посуды, локальных вариантов и новых культур. В частности, судя по публикациям, штрихованная каширская керамика не может быть отнесена к «текстильной» керамике, хотя в ней есть признаки и последней. По мнению автора, подобные следы заглаживания в разных направлениях лучше не называть штрихованной, т.к. данный термин определяет балтскую посуду с четкими вертикальными параллельными линиями, подобно фрагменту из поселения Векса 1 в Вологодской области (рис. 6).

Определение локальных особенностей посуды должно базироваться на изучении самой керамики, а не сопровождающего инвентаря. В частности, методически недопустимо, когда аозинская культура текстильной керамики эпохи раннего железа в Среднем Поволжье выделена по наличию на могильниках аозинско-меларских кельтов, не отличающихся от подобных орудий на всей территории распространения «текстильной» керамики вплоть до Восточной Швеции. А позднее в доказательство выделения той же культуры стали привлекаться встреченные с такими кельтами предметы или даже элементы погребального обряда тех могил, где они были найдены (Кузьминых, 1977, с. 11; 1983, с. 157; Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 33–34; Чижевский, 2008, с. 33–43). Кстати, «текстильная» керамика на этих могильниках отсутствует, а с «текстильной» керамикой поселений, как и с результатами статистической обработки автора всех

комплексов, никто из сторонников выделения аозинской культуры текстильной керамики не считал нужным познакомиться. Результаты статобработки показывают, что локальные особенности «текстильной» керамики обычно не существенны и выражаются в различном процентном соотношении признаков посуды; к тому же такая посуда эпохи раннего железа генетически тесно связана с керамикой эпохи бронзы (Патрушев, 1989, прил. 1–3; 2009, с. 70).

Некоторые исследователи на Оке отмечают раннюю текстильную круглодонную котловидную керамику с мелкоячеистыми рябчатыми и ниточными с левым наклоном витков отпечатками, сменившуюся в конце II тыс. до н.э. на развитую «текстильную» керамику с плоскодонными сосудами с закраинами, с преобладающими ниточными отпечатками и ямочными узорами, а на смену им в третьей четверти I тыс. до н.э. приходит развитая текстильная керамика с крупноячеистой рябчатой структурой (Сулержицкий, Фоломеев, 1993, с. 26–31).

У ряда исследователей сделана попытка определить разновременные виды «текстильных» отпечатков. Так, П.Н. Третьяков (1941, с. 43), О.Н. Бадер (1947, с. 120–127), М.Е. Фосс (1952, с. 67) древнейшими считают мелкие поверхностные отпечатки; с середины I тыс. до н.э. до рубежа нашей эры характерны «правильные» отпечатки и в I–III вв. н.э. – «беспорядочные», «крапчатые». И.Н. Чернай (1981, с. 83–85), установивший экспериментальным путем по материалам Селецкого городища различные виды текстильных отпечатков, для данного памятника пред-

лагает следующую картину развития отпечатков: самые ранние – «стежковые» отпечатки, оставленные особым видом текстиля (начало I тыс. до н.э.); позднее, не ранее VIII–VII вв. до н.э., появляются текстильные отпечатки со «жгутовой» фактурой, в VII–VI вв. до н.э. – отпечатки с «рябчатой» фактурой (сначала в виде «двойного штриха», затем «овально-ячеистые»); в середине I тыс. до н.э. – с крупноячеистой фактурой подпрямоугольной, треугольной, полулунчатой формы, а с III–II вв. до н.э. преобладают беспорядочные, полулунчатые отпечатки, затем распространяются «крапчатые» из нечетких полулунчатых отпечатков, которые бытуют вплоть до середины I тыс. н.э.

Судя по результатам статистической обработки, с середины I тыс. до н.э. резко падает количество вариантов ниточно-рябчатых отпечатков на поверхности, значительно возрастает число неорнаментированной посуды, а из 90 вариантов орнамента предыдущей эпохи на поздних памятниках едва насчитывается 12–14 (в основном это различные виды и сочетания ямок). Край венчика не содержит узоров. Границы распространения поздней группы такой керамики сужаются и ограничиваются районами Верхней Волги и Приочья. Поздней группе синхронна рогожная керамика городецкого облика.

Весьма основательной является работа К.В. Воронина о развитии культуры «сетчатой» керамики, в которой исследователь приходит к выводу, что «материалы культуры сетчатой керамики разделяются на два хронологических горизонта. К первому горизонту, датируемому в общем I-й пол. II тыс. до н.э., относятся

комплексы с пористой восточно-прибалтийской и с ямчато-зубчатой северо-западной сетчатой керамикой из районов Валдая, Восточного Прионежья и Верхнего Поволжья. Их наиболее логично рассматривать как самостоятельные культурные образования, связанные друг с другом опосредованно. Обе группы материала определенно несут в себе наследие местных поздненеолитических культур. Комплексы второго горизонта встречены в значительно более широком ареале: от областей северо-запада лесной зоны до районов нижней Оки и Среднего Поволжья. Они объединены единым субстратным признаком – доминантой сетчатой орнаментации на керамике, а также большим сходством орудийных и вещевых наборов» (Воронин, 1998, с. 322).

Региональные отличия уже в конце эпохи бронзы проявляются у отдаленных групп населения с «текстильной» керамикой – волжских (включая Волго-окский регион), балтийских (где она появляется значительно раньше), карельских и племен Финляндии (Патрушев, 1993, с. 10). В частности, автором в комплексах «текстильной» керамики Финляндии отмечены только примеси асбеста и органики. М.Г. Косменко также отмечает их господство в комплексах не только Финляндии, но и Южной Карелии, где практически нет песка (Косменко, 1992, с. 148). Для комплексов Финляндии характерна толстостенная (9–10 мм) керамика вместо обычных для Поволжья тонкостенных сосудов (3–5 мм). В Финляндии нет такого разнообразия вариантов орнамента и «текстильных» отпечатков, как в Карелии и более восточных регионах. Тем не менее по

сумме признаков, по результатам вычисления критерия Стьюдента, сильное сходство с расчетным значением 0,01–0,09 при табличном значении 1,97 выявлено в комплексах памятников Финляндии и Среднего Поволжья: Похтио IV и 4 Кокшайское. Менее сильное сходство (расчетные значения 0,1–1,0) выявилось в комплексах памятников Бёле, Лайтила, Похтио I и Казанская стоянка 1; Каунисмяки и 4 Кокшайское; Займище III и Сиала. Сходство признаков (расчетные значения 1,1–1,97) отмечено в комплексах Похтио I и Казанская стоянка 1; 4 Кокшайское и Бёле, Сиала, Похтио I; Займище III и Лайтила, Похтио I. Отметим также близость комплексов Среднего Поволжья и Карелии: Охтома I и Сосновая Грива; Келка III и 4 Кокшайское; Казанская стоянка 1 и Кудома XI, Сомбома I.

Представленные здесь данные не позволяют согласиться с мнением К. Мейнандера о параллельном развитии «текстильной» керамики Поволжья и Финляндии из-за некоторых различий посуды. К. Карпелан (1970, S. 32–33; Lavento, 2001, p. 15–43) в Финляндии выделяет особый тип, названный им «имитационной текстильной керамикой», не связанной с собственно текстильной керамикой, и считает, что культура, производившая «имитационную текстильную керамику», была иной. Как и особые типы посуды Сарса и Томица, подобная посуда могла появиться благодаря восприятию населением с ниточно-рябчатой керамикой элементов местных культур, подобно различиям в восточных регионах. Близость керамики типа Сарса-Томица «текстильной» керамике Приладожья и юго-запад-

ной Карелии неоднократно отмечали финские археологи (Meinander, 1954; Huurre, 1983).

Особая культурная ситуация сложилась на стыке групп финноязычного населения с «текстильной» и балтоязычных племен со штрихованной посудой. Судя по результатам статистической обработки комплексов рассматриваемой керамики начала эпохи раннего железа, штрихованная керамика в чистом виде на памятниках Поволжья (от Татари до Костромской обл.) составляет до 2,8% всей керамики. Кроме того, на внешней поверхности сосудов нередко сочетаются штрихованные, ниточно-хаотичные и различные виды рябчатых отпечатков, составляющие вместе до 17% общего числа фрагментов керамики. Штрихованная керамика встречается также в комплексах «текстильной» посуды Вологодской (рис. 6), Ленинградской обл., Карелии и Эстонии. Налицо смешение традиций изготовления ниточно-рябчатой и штрихованной керамики. Любопытно отметить также наличие «текстильной» керамики в комплексах штрихованной посуды. Так, в центральной и юго-восточной Латвии она составляет от 1,3 до 4%, а в северо-восточной Латвии достигает 46% от общего количества фрагментов (Васкс, 1983). На территории Латвии с комплексами штрихованной керамики встречены аозинско-меларские кельты (Лухтан, 1982). Взаимодействие двух субэтнических систем (балтоязычной со штрихованной керамикой и финноязычной с «текстильной» керамикой) приводит к появлению в пограничных зонах между ними нового

этноса. А на базе племен финно-балтского облика, при сильном влиянии верхнеднепровского населения (Третьяков П., 1966), формируется дьяковская культура. По мнению автора, она не могла формироваться на основе поздняяковской культуры, поскольку поздняяковские племена в основном уже к рубежу II–I тыс. до н.э. были ассимилированы населением с ниточно-рябчатой керамикой. Поздняяковские элементы могли проявляться в нем только как воспринятые населением с «текстильной» керамикой черты. Так называемая сетчатая керамика ранних памятников дьяковской культуры – это элемент, маркирующий финноязычное население с «текстильной» керамикой. Как формы сосудов, так и элементы орнамента и характер «сетчатых» отпечатков ранних дьяковских городищ вполне укладываются в характерные признаки ниточно-рябчатой керамики. Однако на дьяковских памятниках уже в начале эпохи раннего железа значителен процент гладкостенной и штрихованной посуды. Так, на Щербинском городище в нижнем горизонте нижнего слоя встречены различные группы керамики («сетчатой» – 52,6%, штрихованной – 17,5%, гладкостенной – 29,9%; Розенфельдт, 1974), представляющие, очевидно, три основных компонента дьяковской культуры.

Определенные коррективы должны быть внесены в характеристику городищной культуры. Так называемая сетчатая раннегородищная керамика типа Якимановского селища и Кондраковского городища (Трубникова, 1953; 1959) полностью характеризует признаки «текстильной»

керамики позднего этапа. Такой признак, как «сетчатые» отпечатки на поверхности «раннегородецкой» посуды, вероятно, должен быть исключен из характеристики городецкой культуры. «Сетчатая» керамика городецкой культуры – это та самая основа финноязычного суперэтнуса, которая при смешении с другими группами населения оказала влияние на формирование собственно городецкой рогожной керамики (Патрушев, 1992, с. 109). Вследствие этого началом городецкой культуры следует считать распространение рогожной керамики.

Технология нанесения «текстильных» отпечатков и терминология для их характеристики. Ниточные и рябчатые отпечатки на посуде финноязычных народов эпохи бронзы и раннего железа непосредственно зависят от технологии изготовления сосудов. Большинство исследователей считает, что псевдо-сетчатые отпечатки связаны с распространением своеобразных технологических приемов изготовления глиняной посуды с целью уплотнения глиняной массы путем выбивания колотушкой, обернутой тканью (Семенов, 1955; Лозе, 1979; Фоломеев, 1975), рубцовой кожей желудка, через кожу книжки желудка животного или колотушкой с ячеистой поверхностью, чеканом (Бобринский, 1978, с. 142–143), зубчатым штампом, иногда многорядным (Арзютов, 1926; Никитин, 1963, с. 205; Трубникова, 1952, с. 128; Фосс, 1947 и др.), прокатыванием палочки с намотанной на нее веревочкой или же благодаря использованию при формовке сосудов тканевых, кожаных форм-емкостей (Городцов, 1900; Бобринский, 1978, с. 143–144),

применению различных штампов и тканей (Гурина, 1963, с. 136–137; Патрушев, 1989, с. 24–25; Розенфельдт, 1974, с. 151–153; Халиков, 1962, с. 98–99) или только с использованием различных видов текстиля (Бадер, 1950; Брюсов, 1950, с. 287–288; Смирнов, 1952, с. 245; Чернай, 1981, с. 71–78). Различные технологические приемы оставили на поверхности выделенные В.А. Городцовым (1900) и А.А. Спицыным (1903) ниточные и рябчатые отпечатки.

Несмотря на длительный период изучения, решение проблемы о технологии изготовления керамики остается открытым.

Основательный анализ истории изучения технологии «текстильных» отпечатков представлен О.А. Лопатиной (2009, с. 204–208). Исследователь на первый план выдвигает важный вопрос: «в связи с решением какой технологической задачи возникали «текстильные» отпечатки»? И приходит к выводу, что «и ниточные и рябчатые отпечатки возникали в результате решения одной и той же недифференцированной задачи – обработки поверхности и декорирования сосуда» (Лопатина, 2009, с. 208).

В настоящее время огромной проблемой становится отсутствие единой терминологии для определения ниточных и рябчатых отпечатков. Автор предлагает основанную на изучении многочисленных комплексов «текстильной» керамики характеристику отпечатков и их терминологию. Как уже отмечалось, выделяется 34 варианта «текстильных» отпечатков, выделенных в четыре группы (Патрушев, 1989, с. 89–90). Первая группа – ниточные отпечатки (варианты 1–8); вторая группа – рябчатые отпечатки (вариан-

ты 9–25); третья группа – смешанные ниточные и рябчатые отпечатки (варианты 26–30 четвертая группа – сочетание ниточных и рябчатых отпечатков и штрихованной поверхности (варианты 31–34). Как особую группу необходимо выделить штрихованную керамику, которая почти повсеместно встречается в комплексах «текстильной» керамики. Однако автор считает необходимым разграничить штрихованную керамику и выделять два типа – классическую балтскую с четкими параллельными вертикальными неглубокими линиями-«расчесами» (рис. 6) и следы заглаживания в разных направлениях, преимущественно в виде относительно нешироких площадок из косых или горизонтальных углубленных линий (типа: Сыроватко, 2013, рис. 9).

По системе автора изучена большая часть комплексов «текстильной» керамики. Однако выделенная терминология и варианты отпечатков в какой-то мере громоздки и понятны не всем. Может быть, целесообразно специалистам-практикам совместно обсудить и составить более четкую классификацию отпечатков, четко проиллюстрировав все отпечатки. Хотя и в этом случае возникли бы трудности, т.к. на одном сосуде встречаются разные виды отпечатков. К тому же при рассмотрении с разных сторон отпечатки воспринимаются по-разному. Поэтому автор при исследовании отпечатков фрагмент располагал всегда в одном положении – вертикально и строго в фас. Тем не менее при определении вариантов отпечатков всегда остается место субъективному восприятию. Идеальным было бы исследование всех эталонных комплексов одним исследователем.

Таким образом, изучение технологии нанесения «текстильных» отпечатков и разработка терминология для их характеристики остается одной из важных проблем.

В ранней истории финноязычных народов наиболее важными остаются **проблемы хронологии и периодизации «текстильной» керамики**. Задача несколько облегчается благодаря получению радиоуглеродных дат поселений с такой керамикой, в основном в 1970-е годы, и хронологии самой подобной посуды методом акселерационной масс-спектрометрии (АМС). В связи с выходом в журнале «Поволжская археология» (2015, № 2) специальной работы автора в соавторстве с Мика Лавенто о хронологии «текстильной» керамики, считаю возможным кратко изложить основные результаты. Радиоуглеродные даты из Поочья с самыми ранними датами (XV–XIII вв. до н.э.; Сулержицкий, Фоломеев, 1993, с. 20–34, табл. 1, рис. на с. 34) должны быть пересмотрены по результатам датировок по методу АМС (XIX в. до н.э.). В это же время она распространяется в Верхнем Поволжье. В Среднем Поволжье самый ранний комплекс Поселения База Отдыха 2 датирована XIV в. до н.э. Появление «текстильной» керамики на территории Эстонии относится к XXIV в. до н.э. (Kriiska, Lavento&Peets, 2005, pp. 3–31). Новые даты позволили пересмотреть мнение автора (Patrushev, 1992, p. 55–56) о появлении в Прибалтике и Финляндии племен с «текстильной» керамикой с Поволжья. Заметим, даты по методу АМС пока немногочисленны и выводы предварительны. Большое значение имеет датировка погребального инвентаря могильников с территории распро-

странения «текстильной» керамики, позволяющая по статистическим методам и аналогиям уточнять время бытования населения в тех или иных регионах (Кузьминых, 1983; Кузьминых, Чижевский, 2014; Патрушев, 1984; 2010; 2011; Халиков, 1977; Чижевский, 2008; Patrushev, 2004 и др.).

Таким образом, в период распространения «текстильной» керамики происходит консолидация финноязычных племен и формирование этнических черт, характерных для всех позднейших финноязычных народов Поволжья, Прибалтики, Карелии и Фенноскандии. Вместе с тем в недрах огромной финноязычной общности от устья р. Кама до Скандинавии рождаются ростки этнических основ будущих отдельных финноязычных народов. По особенностям материальной культуры в ней можно выделить группы волго-окских, прибалтийских, карельских и, возможно, фенноскандских финнов. В начале эпохи железа на базе населения с «текстильной» керамикой, при некотором участии ряда других компонентов, формировались дьяковская, городецкая, позднекаргопольская культуры и смешанные памятники ахмыловского облика.

Факт ассимиляции населением с «текстильной» керамикой многочисленного поздняяковского населения, местных племен северных районов, прикамских групп населения эпохи бронзы и раннего железа Среднего Поволжья свидетельствует об огромном экономическом потенциале и жизненной силе данной финноязычной этнической общности.

Среди важных задач изучения финноязычных племен с «текстильной» керамикой выделены следующие: продолжение исследований по единой методике комплексов памятников южных регионов и ввод этих материалов в единый банк данных; изучение локальных особенностей такой керамики; исследования технологии нанесения «текстильных» отпечатков и разработка четкой терминологии для их характеристики; разработка периодизации и датировка комплексов (методом АМС); изучение сопровождающей такую посуду инвентаря; установление характера этнокультурных связей; определение дальнейших судеб финноязычных племен с «текстильной» керамикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азаров Е.С.* Карта археологических памятников с «текстильной» керамикой позднего периода эпохи бронзы Окского бассейна // ТАС. Вып. 10. Том 1 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ООО «Триада», 2015. С. 204–212.
2. *Арзютов Н.К.* К вопросу о так называемой «рогожной» керамике // Тр. Нижневолжского науч. общества краеведения. Вып. 35. Ч. 1. Саратов, 1926. С. 79–84.
3. *Бадер О.Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970. 157 с.
4. *Бадер О.Н.* К вопросу о балановской культуре // СЭ. 1950. № 1. С. 59–81.
5. *Бадер О.Н.* Культура с «текстильной» керамикой в Северо-Восточной Европе // СА. 1966. № 3. С. 36–44.
6. *Бадер О.Н.* Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей // МИА. № 7. М.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 88–176.
7. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 275 с.
8. *Брюсов А.Я.* «Сетчатая» керамика // СА. 1950. Т. XIV. М.: Изд-во АН СССР. С. 287–305.

9. *Васк А.В.* Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа как исторический источник: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1983. 20 с.
10. *Васк А.В.* Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа Латвии. Рига: Зинатне, 1991. 198 с.
11. *Воронин К.В.* К вопросу о происхождении и развитии культуры сетчатой керамики бронзового века // ТАС. Вып. 3 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: «Триада», 1998. С. 308–323.
12. *Воронин К.В.* Комплексы бронзового века поселений Песочное 1 и Дмитриевская слобода // ТАС. Вып. 9 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: «Триада», 2013. С. 329–344.
13. *Гаврилова И.В.* Древнейшее прошлое Костромского Поволжья (по данным археологии) Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1968. 24 с.
14. *Гадзяцкая О.С.* Памятники фатьяновской культуры. Иваново-Горьковская группа // САИ. Вып. В1-21. М.: Наука, 1976. 135 с.
15. *Городцов В.А.* К итогам археологических трудов в СССР за 10 лет // Тр. секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Т. 2. М., 1928. С. 5–11.
16. *Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Российского исторического музея за 1914 г. М., 1914. С. 6–129.
17. *Городцов В.А.* Отчет об археологических исследованиях в долине реки Оки в 1897 г. // Древности. Т. XVII. М., 1900. С. 26.
18. *Граудонис Я.* Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железного века // Начало разложения первобытнообщинного строя. Рига: Зинатне, 1967. 164 с.
19. *Гурина Н.Н.* Древняя история северо-запада европейской части СССР // МИА. № 87. М.: Наука, 1961. 588 с.
20. *Гурина Н.Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции) // МИА. № 110. М.: Наука, 1963. С. 85–204.
21. *Гусаков М.Г., Кузьминых С.В.* К вопросу о роли носителей «сетчатой» и штрихованной керамики в формировании культур лесной полосы восточной Европы в раннем железном веке // КСИА. 2008. Вып. 222. С. 105–117.
22. *Каверзнева Е.Д., Фоломеев Б.А.* Радиоуглеродная хронология памятников эпохи энеолита – ранней бронзы озерной Мещеры // Археологический сборник. Вып. 96. М., 1998. С. 5–19.
23. *Косменко М.Г.* Культура сетчатой керамики // Археология Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН. 1996. С. 185–215.
24. *Косменко М.Г.* Многослойные поселения Южной Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1992. 117 с.
25. *Крайнов Д.А.* Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР. М.: Наука, 1987а. С. 10–28.
26. *Крайнов Д.А.* Фатьяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР. М.: Наука, 1987б. С. 58–76.
27. *Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С.* Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье // САИ. Вып. В1-22. М.: Наука, 1987. 145 с.
28. *Крийска А., Лавенто М.* «Текстильная керамика» в Эстонии в свете датирования нагара на фрагментах масс-спектрометрией (AMS) // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях / Ред. Г.И. Зайцева, М.А. Кулькова. Вып. 14. СПб: ИИМК РАН, 2007. С. 243–250.
29. *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕГМЗ, , 2009. С. 29–55.

30. Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 101–137.
31. Кузьминых С.В. Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье (I тысячелетие до н.э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1977. 22 с.
32. Лавенто М., Патрушев В.С. Развитие и хронология текстильной керамики в Среднем и Верхнем Поволжье: критический взгляд на условно принятые ¹⁴C-даты, АМС-датирование и типологическую хронологию // Поволжская археология. 2015. № 2. С. 160–188.
33. Лозе И.А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига: Зинатне, 1979. 204 с.
34. Лопатина О.А. Начало изучения раннего железного века Центральной части Русской равнины // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 66–75.
35. Лопатина О.А. Керамика Старшего Каширского городища и ее культурно-хронологический контекст // Каширский край. Вып. II. Археология. Кашира, 2006.
36. Лопатина О.А. Опыт технологического изучения «текстильных» отпечатков // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология Евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕГМЗ, 2009. С. 204–212.
37. Лухтан А. Кельты меларского типа в Литве // Древности Белоруссии и Литвы. Минск, 1982. С. 48–54.
38. Лыганов А.В. К проблеме выделения культур первой фазы позднего бронзового века Волго-Камья // Тр. IV (XX) ВАС в Казани. Т. I. Казань: Отечество, 2014. С. 599–602.
39. Лыугас В.А. Период раннего металла в Эстонии (с сер. II тыс. до до нач. н.э.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Таллинн, 1970. 20 с.
40. Манюхин И.С. Поселение с сетчатой керамикой эпохи поздней бронзы в устье р. Водлы на восточном побережье Онежского озера // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 1993. С. 82–112.
41. Никитин А.А. Дикариха (по материалам раскопок 1959–1960 гг.) // МИА. № 110. М.: Наука, 1963. С. 204–266.
42. Ошибкина С.В. Энеолит и бронзовый век Севера Европейской части СССР // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР. М.: Наука, 1987. С. 147–156.
43. Патрушев В.С. Использование статистических методов и ЭВМ в археологических исследованиях // Методика и методологические предпосылки археологических исследований: материалы международных семинара и конференции. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 1996б. С. 6–12.
44. Патрушев В.С. Марийский край в VII–VI вв. до н.э. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1984. 231 с.
45. Патрушев В.С. Методика составления банков данных на ЭВМ // Методика и методологические предпосылки археологических исследований: материалы международных семинара и конференции. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 1996а. С. 27–31.
46. Патрушев В.С. Могильники Волго-Камья раннеананьинского времени // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8. / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕГМЗ, 2009. С. 64–76.
47. Патрушев В.С. Ниточно-рябчатая керамика финноязычных племен России // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Йошкар-Ола: Монограф, 1993. С. 7–16.
48. Патрушев В.С. У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 124 с.

49. Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.: Наука, 1974. С. 90–197.
50. Семенов С.А. К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды // КСИИМК. 1955. Вып. LVII. С. 137–144.
51. Сидоров В.В. Каширская культура // Каширский край. Археология. Вып. II. Кашира, 2006.
52. Сидоров В.В. Последняя интеграция финских народов (к вопросу об условиях формирования культур сетчатой керамики) // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: материалы междунар. науч. конф. Пермь, 2003.
53. Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. 1952. № 28. М.: Наука, 1952. 276 с.
54. Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура // САИ. Вып. Д – 1-14. М.: Наука, 1965. 97 с.
55. Смирнов К.А. Дьяковская культура. Материальная культура городищ между-речья Оки и Волги // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 77–78.
56. Смирнов К.А. Сетчатая керамика с городища Дьяков Лоб // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 1993. С. 48–82.
57. Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья // Тр. МАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ. 2000. 264 с.
58. Спицын А.А. Городища дьякова типа // Записки отделения русской и славянской археологии. Т. V. Вып. 1. Москва, 1903. С. 111–142.
59. Сулержицкий Л.Д., Фоломеев Б.А. Радиоуглеродная хронология памятников с текстильной керамикой бассейна средней Оки // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 1993. С. 42–55.
60. Сыроватко А.С., Трошина А.А., Антипина Е.Е. К вопросу об облике культур финальной бронзы (по материалам стоянки Зарудня) // ТАС. Вып. 9. Материалы 13-го и 15-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Изд-во «Триада», 2013. С. 374–379.
61. Сыроватко А.С. Период финальной бронзы в Москворечье: состояние источников и проблема их интерпретации // ТАС. Вып. 9. Материалы 13-го и 15-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Изд-во «Триада», 2013. С. 360–373.
62. Сыроватко А.С. Юго-Восточное Подмоскowie в железном веке: к характеристике локальных вариантов в дьяковской культуре. М., 2009. 352 с.
63. Третьяков В.П. Соотношение поздняковских памятников и культуры сетчатой керамики // КСИА. 1975. Вып. 142. С. 62–67.
64. Третьяков П.Н. К истории племен Верхнего Поволжья в 1 тыс. н.э. // МИА. № 5. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1941. № 5. 150 с.
65. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука, 1966. 306 с.
66. Трубникова Н.В. О технике нанесения узоров на посуду городецких и дьяковских городищ // КСИИМК. 1952. Вып. XLVII. С. 125–129.
67. Трубникова Н.В. К вопросу о происхождении городецкой культуры // КСИИМК. 1959. Вып. 75. С. 163–168.
68. Трубникова Н.В. Племена городецкой культуры // Тр. ГИМ. Вып. XXII. М., 1953. С. 63–96.
69. Фоломеев Б.А. Макро- и микроструктура слепков с фактуры текстильной керамики // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 1993. С. 3–21.

70. Фоломеев Б.А. Тюков городок // СА. 1975. № 1. С. 154–170.
71. Фоломеев Б.А. Фактура текстильной керамики бассейна средней Оки // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7. Рязань, 1998. С. 79–105.
72. Фосс М. Е. Древнейшая история Севера европейской части СССР // МИА. № 29. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. № 29. 167 с.
73. Фосс М. Е. Новые памятники в районе галичской культуры // КСИИМК. 1947. Вып. XVII. С. 61–69.
74. Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. VIII–VI вв. до н.э. М.: Наука, 1977. 267 с.
75. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.
76. Халиков А.Х. Очерки истории населения марийского края в эпоху раннего железа // Тр. МАЭ. Т. II. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 7–187.
77. Халиков А.Х. Приказанская культура / САИ. Вып. В1–24. М.: Наука, 1980. 128 с.
78. Халиков А.Х. Приказанская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР. М.: Наука, 1987. С. 139–146.
79. Чернай И.Л. Выработка текстиля у племен дяковской культуры (по материалам Селецкого городища) // СА. 1981. № 4. С. 70–86.
80. Чернай И.Л. Макро- и микроструктура слепков с фактуры текстильной керамики // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 1993. С. 36–48.
81. Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: РИЦ «Школа», 2008. 172 с.
82. Янитс Л.Ю. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмай-ыги (Эстонская СССР). Таллин. 1959. 382 с.
83. Äyräpää A. Über die Streitaxtkulturen in Russland. Studien über die Verbreitung neolithischer Elemente aus Mitteleuropa nach Osten // Eurasia Septentrionalis Antiqua, VIII. 1933, vol. VIII, pp. 1–159.
84. Carpelan C. Ns. imitoitua tekstiilikeraamiikkaa Suomesta // Suomen Museo. № 77. Helsinki, 1970.
85. Clarke D. L. Analytical Archaeology. Methuen, London. 1968. 684 p.
86. Dumpe B. Jauni atzinumi par neolita klājosās auklas keramiku // Arheologija un etnografija. XXL. Riga: Zinatne, 2003, pp. 110–117.
87. Huurre M. The Eastern Contacts of Northern Fennoscandia in the Bronze Age // Fennoscandia archaeologica. № III. Helsinki, 1986.
88. Jaanusson H. 1985: Main Early Bronze Age pottery provinces in the northern Baltic region. Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia I. Stockholm, 1985. pp. 39–50.
89. Kriiska A., Lavento M. & Peets J. New AMS-dates of the Neolithic and Bronze Age Ceramics in Estonia: preliminary results and interpretation // Estonian Journal of Archaeology. Vol. 9. № 1. Tartu, 2005, pp. 3–31.
90. Lavento M. Textile ceramics in Finland and on the Karelian isthmus: nine variations and fugue on a Theme of C.F. Meinander // Suomen Muinaismuistoyhdistuksen Aikakauskirja. N 109. Helsinki, 2001. 410 p.
91. Meinander C.F. Die Bronzezeit Finnlands // Suomen Muinaismuistoyhdistuksen Aikakauskirja. № 54. Helsinki, 1954, pp. 156–159.
92. Pälsi S. Tekstiilikeraamiikka // Suomen Museo. Helsinki, 1916, pp. 66—72.
93. Patrushev V. The chronology of the Iron Age of the Middle Volga region // Dating and chronology: Fenno-Ugri et slavi 2002: Papers presented by the participants in the archaeological symposium «Dating and Chronology» 13–14 May 2002 in the National Museum of

Finland and 15–17 May 2002 on tour in eastern Finland/ Museoviraston Arkeologian osaston julkaisu. №10. Helsinki, 2004, pp. 75–87.

94. Patrushev V. The Early History of the Finno-Ugric Peoples of European Russia // Studia archaeologica Fenno-Ugrica. 1. Oulu: Societas Historiae Fenno-Ugricae, 2000. 239 p.

Информация об авторе:

Патрушев Валерий Степанович, доктор исторических наук, профессор, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, (г. Казань, Россия); valpatr92@gmail.com

ARCHAEOLOGICAL SITES WITH “TEXTILE” CERAMICS: RESULTS AND OUTLOOKS OF RESEARCHES

V.S. Patrushev

Issues of investigation the Bronze Age and the early Iron Age population – bearers of the so called ‘textile’ ceramics (24th century BC – 4th century AD), which spread over a vast territory of Europe more than 700 km wide, from the Lower and Middle Volga in the east to the Eastern Sweden in the west are summarized in the article. Bearers of the culture with ‘textile’ pottery played an important role in development of Finnish-speaking peoples. The article emphasizes a few essential problems related to the bearers of ‘textile’ ceramics: 1) questions related to the origin of peoples with this pottery; 2) issues related to identification of the Finnish-speaking community and local bearers of ‘textile’ ceramics; 3) reconstruction of the technology of ‘textile’ imprints and verification of the terminology used to define them; development chronology and periodization of ‘textile’ ceramics; detection the ethno-cultural connections and further fate of the Finnish-speaking tribes-bearers of ‘textile’ ceramics. The most important objectives of the study of the Finnish-speaking peoples – bearers of ‘textile’ ceramics are emphasized by the author as following: to pursue further research of sites from southern regions by means of a common methodology; to define distinctive features of the local ceramics; to study the inventory related to this ware.

Keywords: archaeology, ‘textile’ ceramics, Bronze Age, early Iron Age, Finnish-speaking peoples, ethnogenesis.

REFERENCES

1. Azarov, E. S. 2015. In Chernykh I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collected Articles)* 10 (1). Tver: “Triada” Publ., 204–212 (in Russian).
2. Arziutov, N. K. 1926. In *Trudy Nizhnevolzhskogo nauchnogo obshchestva kraevedeniia (Proceedings of the Lower Volga Scientific Society of Local History)* 35. Part 1. Saratov, 79–84 (in Russian).
3. Bader, O. N. 1970. *Bassein Oki v epokhu bronzy (Oka River Basin in the Bronze Age)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
4. Bader, O. N. 1950. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (1), 59–81 (in Russian).
5. Bader, O. N. 1966. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 36–44 (in Russian).
6. Bader, O. N. 1947. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 7. Moscow, 88–176 (in Russian).
7. Bobrinskii, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

8. Briusov, A. Ya. 1950. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* XIV. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 287–305 (in Russian).
9. Vasko, A. V. 1983. *Keramika epokhi pozdnei bronzy i rannego zheleza kak istoricheskii istochnik (Ceramics of the Late Bronze Age and Early Iron Age as a Historical Source)*. PhD Thesis. Leningrad (in Russian).
10. Vasko, A. V. 1991. *Keramika epokhi pozdnei bronzy i rannego zheleza Latvii (Ceramics of the Late Bronze Age and Early Iron Age of Latvia)*. Riga: “Zinatne” Publ. (in Russian).
11. Voronin, K. V. 1998. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection Articles)* 3. Tver: “Triada” Publ., 308–323 (in Russian).
12. Voronin, K. V. 2013. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)* 9. Tver: “Triada” Publ., 329–344 (in Russian).
13. Gavrilova, I. V. 1968. *Drevneishee proshloe Kostromskogo Povolzh'ia (po dannym arkheologii) (The Earliest History of the Volga Region near Kostroma (According to Archaeological Data))*. PhD Thesis. Leningrad (in Russian).
14. Gadziatskaia, O. S. 1976. *Pamiatniki fat'ianovskoi kul'tury. Ivanovo-Gor'kovskaia gruppa (Sites of the Fatyanovo Culture: Ivanovo-Gorky Group)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V1-21. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
15. Gorodtsov, V. A. 1928. In *Trudy sektiia arkheologii Rossiiskoi assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (Proceedings of the Archaeology Section, Russian Association of the Research Institutes for Social Sciences)* 2. Moscow, 5–11 (in Russian).
16. Gorodtsov, V. A. 1914. In *Otchet Rossiiskogo istoricheskogo muzeia za 1914 g. (Report of the Russian Historical Museum for 1914)*. Moscow, 6–129 (in Russian).
17. Gorodtsov, V. A. 1900. In *Drevnosti (Antiquities)* XVII. Moscow, 26 (in Russian).
18. Graudonis, Ja. 1967. *Latvii v epokhu pozdnei bronzy i rannego zheleznoogo veka (Latvia in the Bronze Age and the Early Iron Age)*. Riga: “Zinatne” Publ. (in Russian).
19. Gurina, N. N. 1961. *Drevniaia istoriia Severo-Zapada Evropeiskoi chasti SSSR (Ancient History of the North-West of the European Part of the USSR)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 87 (in Russian).
20. Gurina, N. N. 1963. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 110, 85–204 (in Russian).
21. Gusakov, M. G., Kuz'minykh, S. V. 2008. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 222, 105–117 (in Russian).
22. Kaverzneva, E. D., Folomeev, B. A. 1998. In *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collected Papers)* 96. Moscow: 5–19 (in Russian).
23. Kosmenko, M. G. 1996. In *Arkheologiia Karelii (Archaeology of Karelia)*. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 185–215 (in Russian).
24. Kosmenko, M. G. 1992. *Mnogosloinye poseleniia Iuzhnoi Karelii (Multilayered Sites in Southern Karelia)*. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center, Russian Academy of Sciences (in Russian).
25. Krainov, D. A. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR)*. Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 8. Moscow: “Nauka” Publ., 10–28 (in Russian).
26. Krainov, D. A. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR)*. Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 8. Moscow: “Nauka” Publ., 58–76 (in Russian).
27. Krainov, D. A., Gadziatskaia, O. S. 1987. *Fat'ianovskaia kul'tura. Iaroslavskoe Povolzh'e (Fatyanovo Culture: the Yaroslavl Part of the Volga Basin)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V1-22. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

28. Kriiska, A., Lavento, M. 2007. In Zaitseva, G. I., Kul'kova M. A. (eds.). *Radiouglerod v arkheologicheskikh i paleontologicheskikh issledovaniiaxh (Radiocarbon in Archaeological and Paleontological Studies)* 14. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 243–250 (in Russian).
29. Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Elabuga: Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Elabuga State Museum-Reserve, 29–55 (in Russian).
30. Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 9 (3), 101–137 (in Russian).
31. Kuzminykh, S. V. 1977. *Bronzovye orudiia i oruzhie v Srednem Povolzh'e i Priural'e (I tysiacheletie do n.e.) (Bronze Tools and Weapons in the Middle Volga Area and Cis-Urals: I Millenium BC)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
32. Lavento, M., Patrushev, V. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 160–188 (in Russian).
33. Loze, I. A. 1979. *Pozdnii neolit i ranniaia bronza Lubanskoj ravniny (The Late Neolithic and the Late Bronze Age of the Lubanas Plain)*. Riga: “Zinatne” Publ. (in Russian).
34. Lopatina, O. A. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.) *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: “Otechestvo” Publ., 66–75 (in Russian).
35. Lopatina, O. A. 2006. In *Kashirskii kraj (Kashira Land) II. Arkheologiiia (Archaeology)*. Kashira (in Russian).
36. Lopatina, O. A. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Elabuga: Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Elabuga State Museum-Reserve, 204–212 (in Russian).
37. Lukhtan, A. 1982. In *Drevnosti Belorussii i Litvy (Antiquities of Belorussia and Lithuania)*. Minsk, 48–54 (in Russian).
38. Lyganov, A. V. 2014. In *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* I. Kazan: “Otechestvo” Publ., 599–602 (in Russian).
39. Lõugas, V. A. 1970. *Period rannego metalla v Estonii (s ser. II tysiacheletiiia do n.e. do nachala nashei ery) (Early Metal Age in Estonia: from the Middle II Millennium BC to the Turn of Erae)*. PhD Thesis. Tallinn (in Russian).
40. Maniukhin, I. S. 1993. In *Finno-ugry Rossii. Pamiatniki s nitochno-riabchatoi keramikoi (The Finno-Ugric People of Russia. Sites with Spun-and-Speckled Ceramics)* 1. Yoshkar-Ola: Mari State University, 82–112 (in Russian).
41. Nikitin, A. A. 1963. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 110, 204–266 (in Russian).
42. Oshibkina, S. V. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR)*. Series: Arkheologiiia SSSR (Archaeology of the USSR) 8. Moscow: “Nauka” Publ., 147–156 (in Russian).
43. Patrushev, V. S. 1996. In *Metodika i metodologicheskie predposylki arkheologicheskikh issledovaniia (Methodology and Methodological Conditions of Archaeological Research)*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 6–12 (in Russian).

44. Patrushev, V. S. 1984. *Mariiskii krai v VII–VI vv. do n. e. (Starshii Akhmylovskii mogil'nik) (The Mari Land in the 7th–6th Centuries BC (The Older Akhmylovo Burial Ground))*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
45. Patrushev, V. S. 1996. In *Metodika i metodologicheskie predposylki arkheologicheskikh issledovaniy (Methodology and Methodological Conditions of Archaeological Research)*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 27–31 (in Russian).
46. Patrushev, V. S. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Yelabuga State Museum-Reserve, 64–76 (in Russian).
47. Patrushev, V. S. 1993. In *Finno-ugry Rossii. Pamiatniki s nitochno-riabchatoi keramikoi (The Finno-Ugric People of Russia. Sites with Spun-and-Speckled Ceramics) 1*. Yoshkar-Ola: “Monograf” Publ., 7–16 (in Russian).
48. Patrushev, V. S. 1989. *U istokov volzhskikh finnov*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
49. Rozenfel'dt, I. G. 1974. In *D'iakovskaia kul'tura (Dyakovo Culture)*. Moscow: “Nauka” Publ., 90–197 (in Russian).
50. Semenov, S. A. 1955. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture) LVII*, 137–144 (in Russian).
51. Sidorov, V. V. 2006. In *Kashirskii krai (Kashira Land) II. Arkheologiya (Archaeology)*. Kashira (in Russian).
52. Sidorov, V. V. 2003. In *Mezhdunarodnoe (XVI Ural'skoe) arkheologicheskoe soveshchanie (International (16th Ural) Archaeological Session)*. Perm (in Russian).
53. Smirnov, A. P. 1952. *Ocherki drevnei i srednevekovoi istorii narodov Srednego Povolzh'ia i Prikam'ia (Essays on the Ancient and Medieval History of the Peoples of the Middle Volga and Kama Basins)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 28 (in Russian).
54. Smirnov, A. P., Trubnikova, N. V. 1965. *Gorodetskaia kul'tura (The Gorodets Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-14. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
55. Smirnov, K. A. 1974. In Krasnov, Yu. A. (ed.). *D'iakovskaia kul'tura (Dyakovo Culture)*. Moscow: “Nauka” Publ., 77–78 (in Russian).
56. Smirnov, K. A. 1993. In *Finno-ugry Rossii. Pamiatniki s nitochno-riabchatoi keramikoi (The Finno-Ugric People of Russia. Sites with Spun-and-Speckled Ceramics) 1*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 48–82 (in Russian).
57. Solov'ev, B. S. 2000. *Bronzovyi vek Mariiskogo Povolzh'ia (Bronze Age of Mari Volga River Region)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Mari Archaeological Expedition) VI. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).
58. Spitsyn, A. A. 1903. In *Zapiski otdeleniia russkoi i slavianskoi arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Reports of the Department of Russian and Slavic Archaeology of the Imperial Russian Archaeological Society) V (1)*. Moscow, 111–142 (in Russian).
59. Sulerzhitskii, L. D., Folomeev, B. A. 1993. In *Finno-ugry Rossii. Pamiatniki s nitochno-riabchatoi keramikoi (The Finno-Ugric People of Russia. Sites with Spun-and-Speckled Ceramics)*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 42–55 (in Russian).
60. Syrovatko, A. S., Troshina, A. A., Antipina, E. E. 2013. In Chernykh, I. N. (ed.) *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection Articles) 9*. Tver: “Triada” Publ., 374–379 (in Russian).

61. Syrovatko, A. S. 2013. In *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection Articles)* 9. Tver: "Triada" Publ., 360–379 (in Russian).
62. Syrovatko, A. S. 2009. *Iugo-Vostochnoe Podmoskov'e v zheleznom veke: k kharakteristike lokal'nykh variantov v d'iakovskoi kul'ture (The South-Eastern Moscow Region in the Iron Age: on the Characteristic of the Local Variants in the Dyakovo Culture)*. Moscow (in Russian).
63. Tret'iakov, V. P. 1975. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 142, 62–67 (in Russian).
64. Tret'iakov, P. N. 1941. *K istorii plemen Verkhnego Povolzh'ia v I tys. n.e. (On the History of the Upper Volga Basin Tribes in I Millennium AD)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 5 (in Russian).
65. Tret'iakov, P. N. 1966. *Finno-ugry, balty i slaviane na Dnepre i Volge (Finno-Ugrians, Balts and Slavs on the Dnieper and Volga Rivers)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
66. Trubnikova, N. V. 1952. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XLVII, 125–129 (in Russian).
67. Trubnikova, N. V. 1959. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 75, 163–168 (in Russian).
68. Trubnikova, N. V. 1953. In *In Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* XXII. Moscow, 63–96 (in Russian).
69. Folomeev, B. A. 1993. In *Finno-ugry Rossii 1. Finno-ugry Rossii. Pamiatniki s nitochno-riabchatoi keramikoi (The Finno-Ugric People of Russia. Sites with Spun-and-Speckled Ceramics)*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 3–21 (in Russian).
70. Folomeev, B. A. 1975. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 154–170 (in Russian).
71. Folomeev, B. A. 1998. In *Arkheologicheskie pamiatniki Srednego Pooch'ia (Archaeological Sites of Middle Oka Area)* 7. Ryazan, 79–105 (in Russian).
72. Foss M. E. 1952. *Drevneishaia istoriia Severa Evropeiskoi chasti SSSR (The Most Ancient History of the North of European Part of USSR)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 29 (in Russian).
73. Foss M. E. 1947. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XVII, 61–69 (in Russian).
74. Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e. (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
75. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
76. Khalikov, A. Kh. 1962. In *Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Mari Archaeological Expedition)* II. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 7–187 (in Russian).
77. Khalikov, A. Kh. 1980. *Prikazanskaia kul'tura (The Prikazanskaya Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) VI-24. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
78. Khalikov, A. Kh. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR)*. Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 8. Moscow: "Nauka" Publ., 139–146 (in Russian).
79. Chernai, I. L. 1981. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 70–86 (in Russian).

80. Chernai, I. L. 1993. In *Finno-ugry Rossii. Pamiatniki s nitochno-riabchatoi keramikoi (The Finno-Ugric People of Russia. Sites with Spun-and-Speckled Ceramics)*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 36–48 (in Russian).

81. Chizhevsky, A. A. 2008. *Pogrebal'nye pamiatniki naseleniia Volgo-Kam'ia v finale bronzovogo — rannem zheleznom vekakh: Predanan'inskaia i anan'inskaia kul'turno-istoricheskie oblasti (Funerary Sites of the Volga-Kama Population in the Final of the Bronze — Early Iron Age: Pre-Ananyino and Ananyino Cultural-Historical Areas)*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 5. Kazan: “Shkola” Publ. (in Russian).

82. Janits, L. O. 1959. *Poseleniia epokhi neolita i rannego metalla v ust'e r. Emajõgi (Estonaskaia SSR) (The Neolithic and the Early Iron Age Settlements in the Emajõgi River Mouth, Estonia)*. Tallinn (in Russian).

83. Äyräpää, A. 1933. *Über die Streitaxtkulturen in Rußland. Studien über die Verbreitung neolithischer Elemente aus Mitteleuropa nach Osten*. Series: Eurasia Septentrionalis Antiqua VIII. Helsinki: s.n.

84. Carpelan, C. 1970. Ns. imitoitua tekstiil i keramiikka Suomesta. *Suomen Museo* 77. Helsinki.

85. Clarke, D. L. 1968. *Analytical Archaeology*. Methuen, London.

86. Dumpe, B. 2003. Jauni atzinumi par neolita klājosās auklas keramiku. In *Arheologija un etnografija* XXL. Riga: “Zinatne” Publ., 110–117.

87. Huurre, M. 1986. The Eastern Contacts of Northern Fennoscandia in the Bronze Age. In *Fennoscandia archaeologica* III. Helsinki.

88. Jaanusson H. 1985. Main Early Bronze Age pottery provinces in the northern Baltic region. *Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia* I. Stockholm, 39–50.

89. Kriiska, A., Lavento, M. & Peets, J. 2005. New AMS-dates of the Neolithic and Bronze Age Ceramics in Estonia: preliminary results and interpretation. *Estonian Journal of Archaeology* 9 (1). Tartu, 3–31.

90. Lavento, M. 2001. *Textile ceramics in Finland and on the Karelian isthmus: nine variations and fugue on a Theme of C. F. Meinander*. Series: Suomen Muinaismuistoyhdistuksen Aikakauskirja 109. Helsinki : Vammalan Kirjapaino Oy.

91. Meinander, S. F. 1954. Die Bronzezeit Finnlands. *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja* 54. Helsinki, 156–159.

92. Pälsi, S. 1916. Tekstiilikeramiikka. *Suomen Museo*. Helsinki, 66–72.

93. Patrushev, V. 2004. The chronology of the Iron Age of the Middle Volga region. In *Dating and chronology: Fenno-Ugri et slavi 2002*. Papers presented by the participants in the archaeological symposium “Dating and Chronology” 13–14 May 2002 in the National Museum of Finland and 15–17 May 2002 on tour in eastern Finland. Museoviraston Arkeologian osaston julkaisuja, no. 10. Helsinki, 75–87.

94. Patrushev, V. 2000. *The Early History of the Finno-Ugric Peoples of European Russia*. Series: Studia archaeologica Fenno-Ugrica 1. Oulu: Societas Historiae Fenno-Ugricae.

About the Author:

Patrushev Valery S. Doctor of Historical Sciences. Professor. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; valpatr92@gmail.com

Статья поступила в номер 20.04.2016 г.